

Александр Дмитриевич Раевский родился в 1951 году в селе Алабуга Новосибирской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт, Иркутское пожарно-техническое училище. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Печатался в центральных и региональных журналах, альманахах и сборниках. Автор шести поэтических книг. Лауреат премии журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. Живет в Новокузнецке.

Александр Раевский

В КРЕСТИК ЧЕРНО-БЕЛАЯ СУДЬБА

СОЛОВЕЙ

В саду осеннем,
 под сиренью,
В траве пожухлой, не дыша,
Забытый, маленький, смиренно
Он кверху лапками лежал.
Кочечок серый, невесомый,
Не отличить от воробья;
Он не покинул куст знакомый,
Не улетел к чужим краям.
Еще весной порхал по веткам,
Клевал росу, жару терпел;
И услаждал слух человека —
Как восхитительно он пел!
Как вдохновлял он человека,
Что он под звездами творил:
То дивно щелкал и чечекал,
То воздух трелями сверлил!
Старался так самозабвенно,
Как будто нес благу весть,
Что вся земля благословенна
И что любовь на свете есть!
Умолк, родной... Мой разум ропщет:
Вот так, один, замру и я;
Нам только жизнь дается общей,
А смерть у каждого своя.
Зачем для доли скоротечной
На этот свет нас занесло?..

Мы как бы знаем, что не вечны, —
Осознавать вот тяжело.
Застыть на долгую минуту,
Себя жалея... А потом
В бордовый лист певца укутать
И схоронить под тем кустом.

1812 год

Среднерусские равнины —
Вены рек. Холмы, поля.
Тучи. Избы да овины.
Шлем былинный в ковьялах.

Звякнет дальняя церквушка,
Тонко тронет слух Христа,
И — покой; лесной кукушки
Сонный счет... А где-то там —

...разноцветным ручейком,
Дать отпор Наполеону
Шли походные колонны,
Шли знамена и иконы
Мимо пушкинских окон...

ХУДОЖНИК

Знакомый художник, угрюмый и желчный,
В богемной среде проявлял эпатаж.
Он жил одиноко, без славы и женщин, —
В хрущевке квартирка, последний этаж.
Когда-то женат был на некой певице,
«Звезда» на сценах, гуляла, пила,
И чтоб не повеситься, чтобы не спиться,
Прогнал эту дуру — и все тут дела.
Он жил и старел в непонятной печали.
К нему заходил я в былые года,
Мы много курили и в креслах молчали,
Читал свои вирши ему иногда.
Куда-то глядел он и как бы не слушал.
Я после испытывал чуть ли не шок,
Когда говорил мне, что это вот лучше,
А это не тронуло, просто стишок.
Он мог сибаритствовать, спать до обеда,
Потом вдохновенно до ночи творить,
Часами торчать перед старым мольбертом
И фирменный борщ свой на плитке варить.
Нахмурилась осень, и тихо он умер.
Пришли лишь немногие к гробу творца;
Свезли в крематорий и скорбную урну
Потом прикопали к могиле отца.

На кухоньке в банках прогоркла капуста,
В раскрытом шкафу никакого добра.
Однажды явились чины от искусства,
Чтоб в местный музей что-нибудь отобрать.
Застыли мужчины и ахнули дамы,
Слезинки восторга сверкнули у глаз,
Какое богатство открылось им в рамках
И в стопках без рам, что пылились в углах!
Счастливые лица, веселые краски
Сияли с полотен и брызгали свет...
И лишь среди них выделялся контрастом
Угрюмо-задумчивый автопортрет.

* * *

В глухом краю, среди тиши древесной,
Поляна есть — заветный закуток,
Хранимый небом, людям неизвестный,
Лишь косачи слетаются на ток.

Из лета в лето пенится в цветеньи...
Никто не видит этой красоты,
Ну, разве что залетный шмель оценит
Да бабочки, что сами — как цветы...

Из года в год горят на зорьке ясной,
Искрят росой и капают в траву...
И жалко мне, что облетят напрасно,
И радостно, что те цветы не рвут.

Чисты в своем стремленьи к совершенству,
Они растут и светятся из тьмы,
Не тщась достичь над кем-то верховенства,
Не то, что мы. Увы, не то, что мы...

* * *

Глухие дебри. Луч прощальный...
Гниют болота. Дремлют совы.
Там — одинока и печальна,
Людьми забыта, бродит совесть.

Там нет жилья и нет дороги.
Туманы сыро липнут к платью,
Былье босые режет ноги —
Идет она и молча плачет.

Стремясь к богатству и успеху,
Ее, как дряхлую служанку
И как досадную помеху,
Прогнали прочь... А ей всех жалко.

Молодая мама своему сыночку,
Сидя у окошка, под синиц свистки,
Вышивала в полдень синюю сорочку —
В крестик черно-белые цветки.

Лишь всего два цвета (ниток было мало),
Только в два рядочка стежка пролегла,
Только на сорочке, но хотела мама,
Чтоб в цветах вся доля у него была.

С трех икон святые молча наблюдали.
Над шитьем витала легкая рука.
За окном сияли голубые дали,
Зеленели травы, плыли облака...

Дорогая мама, как ты угадала.
В стороне далекой после, без тебя,
Вышилась сыночку (ниток было мало)
В крестик черно-белая судьба.

* * *

Дорогие поэты, витии,
Изливаючи горе свое,
Не кричите: «Пропала Россия!» —
Что ж мы сами хороним ее?

Сила Божья сокрыта в поэте.
Если так голосить в темноте —
В безнадегу срываются эти,
И злорадно хихикают — те.

Посмотрите: трава серебрится
В переливчатых росах утра...
Размечтайтесь — и райская птица
Тихо сядет на кончик пера.

Вы прислушайтесь: музыка льется,
Из глубинных высот нисходя;
И в два зубика звонко смеется
На руках материнских дитя!..

Мы приходим лишь раз, вы поймите,
Никого не виню, не учу,
Просто жизнь — это жизнь, а не митинг,
Просто сам я такого хочу!

В поднебесье окно растворите,
В грозовых облаков кутерьму...
Удивляйтесь. Любите. Творите!
...А Россию не дам. Никому.